

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

КОГДА председатель жюри объявил, что одна из главных премий областного смотря творческой молодежи, посвященного 50-летию ВЛКСМ, присуждена актрисе Свердловского драматического театра Людмиле Крячун, зал будто по команде заплодировал вдруг продолжительно и горячо...

Нет, разумеется, всех победителей смотра собравшиеся на итоговую конференцию приветствовали тепло и сердечно. И все-таки нельзя было не заметить, что успех исполнительницы роли Гелены в пьесе Л. Зорина «Варшавская мелодия» был встречен с особой радостью и удовлетворением.

Хотя, если разобраться, то так оно, очевидно, и должно было быть. Роль Гели, сыгранная увлеченно, с полной самоотдачей, или, как еще говорят в таких случаях — «на едином дыхании», действительно стала событием сначала в театральной жизни Свердловска, потом в театральной жизни области. Судьбой своей героини, каждым произнесенным ею словом, каждым совершенным поступком молодая актриса неопровержимо доказывала, что всегда, при любых обстоятельствах люди остаются хозяевами своего счастья. И ничем никогда нельзя будет оправдать пусть вынужденный, пусть самый что ни на есть «разумный» эгоизм, который лишь до поры до времени может замаскировать малодушие, человеческую и гражданскую никчемность.

То, что любовь Гелены к Виктору вмещала в себя так много, то, что в спектакле сугубо личные отношения двух влюбленных становились поводом к взволнованному и страстному сценическому раздумью о верности, неверии, культе силы, войне, мире и о многом и многом другом, скрытом в подтексте пьесы Зорина и составляющем главное в ее содержании, — свидетельствовало и об одаренности Крячун как актрисы, и об определенной зрелости ее мастерства.

Словом, роль Гелены удалась, была принята, и, наконец, официально отмечена премией ответственного смотра... Так что с этой роли по логике вещей, наверное, и нужно было бы начинать разговор о творчестве актрисы, три с небольшим сезона назад впервые вышедшей на свердловскую сцену.

Но парадоксы не считаются с

логикой. А, согласитесь, только как парадокс можно было воспринять сообщение о том, что центральная роль в «Варшавской мелодии» — сегодня самая «мелюбимая» роль Крячун. В этом признавалась сама исполнительница, признавалась без рисовки, с искренним огорчением и откровенностью.

— Поймите меня правильно, — объясняла она. — С первой же репетиции пьеса Зорина захватила меня целиком. Я поняла, что роль Гелены нельзя сыграть. Ее нужно прожить. Ее мысли и чувства должны стать твоими мыслями и чувствами, ее судьба должна стать твоей судьбой.

ЗОРКОСТЬ ДОБРОТЫ

Так и старалась делать. Премьера «Варшавской» подтвердила, что путь был избран верный. Но...

Успех радовал и пугал. Я чувствовала, сколько еще неоскрытого осталось в зоринской героине, сколько еще предстоит найти, выявить, отшлифовать...

Обидно, что судьба спектакля складывалась не так, как того хотелось бы. Представление за представлением изматывало, почти не оставляло времени для раздумий и поиска... Я лучше других знаю сегодня, что роль «заиграна», что образ утратил в чем-то прежнюю искренность: временами играешь как бы по инерции, а не по велению сердца... Вот тогда-то и злишься на Гелену, на себя. Потому что есть вещи, о которых со сцены нельзя говорить вполголоса, вполсилы!

Те, кто видел Крячун в других спектаклях, согласятся — ей и впрямь всегда свойственно стремление к предельному внутреннему горению, к предельному сопереживанию с героями драматургии Горького и Розова, Шоу и Арбузова... Так было еще на студенческой скамье, в студии московского Центрального детского театра, где Крячун «проваливала» этюд за этюдом до тех пор, пока «предполагаемые обстоятельства» не становились для нее конкретной, осязаемой реальностью, сжимавшей сердце то радостью, то болью, то страхом, то надеждой... Так было и в Воронеже, где она играла Марфиньку в «Обрыве», Инну в «Коллегах», Вариху-горюху в «Поднятой целине», Наташу в «104 страницах про любовь»... Так продолжается теперь в Свердловске, когда молодая актриса становится то Ликой в «Моем бедном Марате», то Еленой в «Мещанах», то Элизой в «Пигмалионе»...

Конечно, было бы натяжкой не видеть, что одни образы получаются более законченными и яркими, чем другие. Но столь же несправедливым было бы не замечать, что в любом спектакле, вне зависимости от конечного результата, Крячун до конца отдает себя роли, авторскому и режиссерскому замыслу. И еще одной, особой, самой близкой для нее как для актрисы и человека теме. Эту тему она сама для себя определяет как «зоркость доброты».

— Впервые, — признается Крячун, — я уловила ее, работая над ролью Наташи в «Ста четырех страницах про любовь» Э. Радзинского... Я заметила в своей героине не только искренность, чистоту, но и врожденную, присущую людям доброту, которая подчас может быть очень прозорливой. Этой природной внутренней зоркостью подкупила меня и шолоховская Варюха-горюха... Из этой же категории людей оказалась мне Галя Хмелько в «Перебежчике». Ведь она верит в честность «немца», хотя столько фактов вроде бы должны были настроить ее, советскую девушку, на обратное...

А разве не сродни радистке Хмелько Лиза Хренова из «Традиционного сбора», — некрасивая чудаковатая работница сберкассы? Это тоже девушка доброты необыкновенной, радующаяся радостью ребенка, когда обнаруживает в других столь же честные и отзывчивые сердца. И в этом, главным, Лизу Хренову у Крячун не переубедишь!..

И вообще Л. Крячун убеждена, что настоящее искусство рождается только из добрых побуждений, только из глубокой веры художника в благородство человека, в возвышенность его целей и помыслов.

Можно спорить с актрисой, можно в чем-то не соглашаться с ней, но нельзя не позавидовать художнику, который видит свой долг именно в этом. Такому актеру не свойственно успокаиваться на достигнутом, с ним интересно работать, искать, творить.

Но это вовсе не значит, что ему не нужны поддержка, помощь, требовательное внимание. И тут мне снова вспоминается признание актрисы по поводу «Варшавской мелодии», безжалостно «эксплуатируемой» на главной сцене и выездах.. И еще я вспоминаю зрительскую конференцию, состоявшуюся недавно в Свердловском драмтеатре, где один из выступавших говорил:

— Надо очень внимательно следить за загруженностью актеров... Настораживает, что театр явно перегружает Л. Крячун, молодую способную актрису, к дарованию которой следует относиться бережно...

Бережно!... К этим словам мне нечего добавить.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: Л. КРЯЧУН в роли Гелены в спектакле «Варшавская мелодия».

Фото А. Нагибина.

